

Платонов, Евгений Михайлович

Россия, Владимирская область

Июнь-август 2010 г.

Здравствуйтесь, дорогие друзья!

Не перестаю удивляться, как Вы меня нашли? Кроме лагерного номера я был везде известен как Евгений Авдеенко, студент автомобильного факультета Горьковского политехнического института. Других сведений я никогда никому не сообщал.

Заранее прошу Вас извинить меня за некоторую непоследовательность изложения.

К зиме 1941 г. фашистское руководство Германии сочло войну выигранной, а советские военнопленные – обуза, подлежащая уничтожению: на территории СССР лагеря военнопленных превратились в лагеря уничтожения, лагеря смерти.

В лагере Кривого Рога (Украина), где я оказался в ноябре 1941 г., было около 12 тыс. пленных и гражданских лиц. Рацион был рассчитан так, чтобы самый сильный человек умер в течение 1-1,5 месяца. За сутки умирали по 120-150 человек.

Из каменного сарая без окон и дверей, пол которого был залит замершими испражнениями, мертвецов выносили так называемые лагерные санитары (как теперь говорят у нас, лица кавказской национальности) и грузили на телегу в ящик (без дна и крыши). Чтобы мертвецов уложить поплотнее, один из санитаров забирался на телегу и ломом перебивал мертвецам руки и ноги. Мертвецов сваливали в противотанковый ров голыми. „Хлопцы, куды вы мэнэ ввэзэтэ“ - раздался с телеги слабый голос. У „хлопцев“ под шапкой волосы встали дыбом. И было от чего. На телеге, на мертвецах, сидел голый, на морозе оживший мертвец. Я спросил санитаря: „И куда Вы его дели?“ „Куда, куда ... - ответил тот, - свалили в ров вместе с другими мертвецами“.

Вот это страшно, господа. Страшнее собственной смерти.

В марте-апреле 1942 г. Криворожский лагерь военнопленных ликвидировался. Из тысяч – в живых, ходячих и ползающих, осталось две-три сотни. Перед расформированием был проведен „медосмотр“. Дядя в офицерской форме с накинутым на плечи белым халатом сидел у окна в длинной узкой комнате, похожей на мышеловку. „Осматриваемый“, обнаженный по пояс, входил в эту комнату и останавливался у порога в центре круга, начерченного мелом. До врача было метра 3-4. Он задал мне один единственный вопрос: „Балной?“ Признать себя больным означало подписать собственноручно смертный приговор. Поэтому я поспешно сказал: „Nein, nein! Ich bin gesund, ganz gesund!“ Хотя на здорового человека был похож крайне мало. Я представлял собой скелет, обтянутый иссиня-желтой кожей, изъеденной вшами.

В Германии

Через какое-то время нас, „здоровых людей“, в телячьих вагонах повезли в Германию. Ехали мы долго. Стояли в тупиках. Мимо нас катили какие-то бочки, на огромной скорости проносились составы, на платформах которых под брезентом стояли танки, пушки,

самоходки. Наконец, на какой-то станции открылись двери вагонов, и я услышал команду: „Rus, gaus!“ Ну, значит, приехали. До лагеря шли пешком. Видя, что мы разучились ходить, конвоиры делали частые привалы. В лагере мы смыли остатки криворожской грязи. Нас одели в латанное-перелатанное нижнее и верхнее белье, но чистое, пахнущее свежестью. На ужин дали по куску черного хлеба, сдобренного древесными опилками. Больше нигде и никогда я не ел такого вкусного хлеба. В лагере приезжали „покупатели“. Один оказался оптовым. Сразу взял 200 человек. Ему были нужны термисты, токари, слесари, сверловщики, фрезеровщики, шлифовальщики и т.д. для работы на заводе „Süd-Deutsche Bremsen“ (г. Мюнхен). Цех, в котором я работал, обнаглевшие американцы во время очередного налета, сожгли и разрушили его. Меня перевели в небольшую мастерскую (на том же заводе) по установке на старые автомашины современных (по тем временам) гидропневматических тормозных систем.

Моим непосредственным начальником оказался рабочий паренек Anton Schnell. Он был одноруким, так что мои две были для него как нельзя кстати. До потери руки он играл на барабанах в любительском танцевальном джаз-оркестре. „В симфоническом оркестре барабанщик – это мусор, - говорил он, - а в джазе – король!“ Когда я уставал, то просил: „Тони, Германия – музыкальная страна. У вас много композиторов, знаменитых музыкантов. Расскажи, кто такой Лео Блех?“ Взмахнув единственной рукой, он читал мне лекцию. Я отдыхал. Услышав шорох или чьи-то шаги, он вскрикивал: „Eugen, brauchts arbeiten, arbeiten!“ Я брал в руки инструмент и принимался за работу.

В 1944 году к нам в лагерь заходили „покупатели“ совсем иного рода. Они говорили: „Советская власть и Сталин – это плохо. Есть возможность бороться с ними. Для этого надо вступить в РОА генерала Власова“.

Я ненавидел тоталитарный режим рябого грузина, но перспектива воевать против своих меня не прельщала. В армию Власова шли люди 3-х категорий: 1. Истинные враги, обиженные советской властью; 2. Люди, живущие по принципу: хоть день, но мой. Как-никак, 3 сигареты в день, баланда погуще ... 3. Глупые патриоты – привезенные на фронт, они надеялись перебежать к своим и там объяснить, что они – не верблюды.

****

Здравствуйтесь, дорогие немецкие друзья!

Продолжаю повествование.

В лагерях Германии я с апреля 1942 г. по май 1945 г. На заводе Süd-Deutsche Bremsen более 2-х лет. Хорошо освоился. Мне дали 10 марок (алюминиевых дисков на колечке) с моим рабочим номером. По ним я мог получить любой инструмент, необходимый для работы.

Девочка, выдававшая особо ценный инструмент, говорила: „Eugen, verliere nix!“ (Баварцы вместо nicht говорили nix). Я старался как можно быстрее выполнить работу и вернуть инструмент в инструменталку. Мало ли что! Увидев меня, девочка улыбалась. Милая немочка!

Иногда Антон в начале рабочего дня давал мне задание, объяснял, что и как делать, а сам садился изобретать приспособление, с помощью которого одной рукой и протезом можно

было бы водить автомашину любой марки. В последнее время нам платили ежемесячно „жалование“. На мой взгляд – это был отличный пропагандистский трюк. Смотрите русские солдаты: „В плену дают работу, кормят и даже платят деньги“. Но было уже поздно, слишком поздно. Помню беленькие бумажки достоинством 0,5, 1 и 2 марки, но купить на них было негде и нечего. Немцы сами испытывали большие трудности. Карточная система, посылок из России больше нет; солдаты бегут „nach Hause“ неся победу в кармане (так шутили немцы, с которыми я работал).

Нас не били. Я получил только однажды удар прикладом в спину.

Представьте: дневной налет американской авиации на Мюнхен. Душераздирающе завывали сирены. Все бегут, втянув голову в плечи, прятаться. В небе высоко, высоко кружат бомбардировщики. По ним лупят немецкие зенитки, но снаряды самолетов не достают. Интересно! Я зазевался, а конвоиру самому страшно. Он что-то лепечет, показывая рукой в небо.

Перед приходом американцев к нашей казарме подошел взвод войск 44 и потребовал выдать им нас. Комендант сказал: „Будь что будет. Охрана на месте“. Никого никому он выдавать не будет (хотя охрана уже давно разбежалась). Поступок коменданта, спасший жизни военнопленных, достоин преклонения перед ним.

Я благодарю всех немцев, с которыми встречался там, в Германии.

2-го мая 1945 г. в Мюнхен вошли (точнее: въехали) американцы. Сначала пили, как союзники, ром, а потом дрались. Паршивый народ! Разумеется, преимущество было на их стороне: у них – оружие, у нас – голые, пустые кулаки. Союзники мне тоже! Они нам говорили: „В России всех вас посадят в большой, большой дом под названием „Сибирь“. (В какой-то мере они были правы). Черный крючконосый мужик агитировал нас ехать в Бразилию на кофейные плантации. „Райская жизнь“ - говорил он на ломаном русском языке. Наконец, американцы нас перевезли в Советскую зону оккупации в очередной лагерь.

Однажды в лагерь приехал майор Красной армии. Перед строем сказал: „Автомеханики, шоферы, автослесари – три шага вперед!“ Подойдя ко мне, спросил, какие машины я ремонтировал. Я перечислил марки немецких автомашин, с которыми имел дело. Так я оказался снова солдатом Красной армии по специальности: автослесарь ремонтного взвода 61-го отдельного автополка. Как-то вызвал меня начальника штаба и спрашивает: „Ты английский знаешь?“ Говорю: „Нет. Война помешала“.

– Ну ладно, поехали.

– Куда и зачем?

– К американцам. Мотор для виллиса покупать.

Купили мотор за „жидкую валюту“ – 2 канистры спирта.

В декабре 1945 г. Верховный Совет СССР принял Указ о досрочной демобилизации специалистов: врачей, агрономов, зоотехников, учителей ... До войны „без году неделю“ работал учителем начальной школы. Этим и воспользовался. Вернулся домой зимой, в январе 1946 г. Кроме матери, никто меня не ждал. Райотдел КГБ был уже оповещен о моем

прибытии. Арестовывать демобилизованного солдата не было основания, но допросить, на всякий случай, все-таки надо.

Вопросы допроса:

Попав в безвыходную ситуацию, почему не застрелился?

Говоришь, много людей умерло в лагере, почему ты не сдох?

Почему не бежал?

Почему согласился работать?

... И все в таком духе. Зачем и почему?

Как-то надо было жить, где-то работать. Ни на один завод на работу меня не брали.

Голодная, нищая, разоренная страна готовилась к 3-ей мировой войне. На всех заводах были секретные цеха. Даже паршивая швейная мастерская шила сумки для противогазов и рукавицы для солдат. Работал учителем начальных классов. В холодной комнате, при свете керосиновой лампы, поев хлебца и попив водички (карточная система!) я готовился к занятиям на следующий день и учился, учился ... Сначала окончил Муромский учительский, а затем физмат педагогического института в г. Иваново. Таким образом, я стал полноценным учителем математики и физики средней школы. Работал зам. директора по производственному обучению, а затем несколько лет – завучем. Вел физику в 9-х и 10-х классах. На выпускных экзаменах был экзаменующим учителем по физике, а по математике, химии и немецкому языку – ассистентом.

Расскажу анекдотичный случай с выпускного экзамена по немецкому языку. В 50-х гг. высшим партийным руководством был издан секретный приказ о том, что все партийные, советские и работники правоохранительных органов должны иметь, как минимум, среднее образование. Учиться они не привыкли. Это долго и трудно. Сам хозяин страны – недоучившийся поп. Министр иностранных дел – Молотов – не знал ни одного иностранного языка. Об остальных и говорить не приходится. Сам батюшка Ленин сдавал экзамены экстерном. А им, идущим по ленинским стопам, почему нельзя? И все эти перечисленные чиновники сдавали экзамены за среднюю школу экстерном. На экзамене по немецкому языку среди учащихся-дневников я увидел „моего“ лейтенанта госбезопасности. Взяв билет, он сел за заднюю парту. Подзывает меня рукой: „Переведи!“ Я перевел. Он записал. Снова подзывает: „Я ведь читать-то не умею. Как быть?“ Я читал текст, а он немецкие слова писал русскими буквами. После его ответа кто-то из членов комиссии раскрыл было рот. Видимо, что-то хотел спросить. Я сказал: „Не надо! Он прочитал, перевел. Чего вам еще больше? На „3“ вполне достаточно“. Не чудо ли? Сдать экзамен по языку, не имея о нем ни малейшего представления?!

Анекдот в тему

К студентам приходит декан факультета иностранных языков. Говорит: „Господа студенты! Факультативно надо выучить китайский язык.“ Студент: „А когда сдавать? Завтра?“

Наконец-то „вождь мирового пролетариата, отец всех времен и народов“, рябой грузин „сыграл в ящик“. Кончилась кровавая эпоха. К власти пришел Н. Хрущев. Он открыл Ворота

Гулага, разогнал спецорганы. Последние 6 лет я работал инспектором по производственному обучению, воспитанию и профориентации в районе (г. Меленка). Контролировал преподавание труда, тракторного дела, сельхозмашин и агротехники. Кроме того, за мной был закреплен контроль за качеством преподавания физики, черчения и изобразительного искусства. Контролировал также профориентационную работу в школах.

Сейчас я пенсионер. Инвалид II-ой группы.

Рад нашей встрече хотя бы на бумаге.

Теперь о численности солдат РОА. Нашим правителям было стыдно признать, что, по их словам, в самой передовой стране мира существовало несколько десятков тысяч человек, недовольных порядками, режимом, властью и готовых их свергнуть. Поэтому о РОА они молчали. Об этой армии знаю из рассказа моряка-дальневосточника, прибывшего в наши края в отпуск. Он сказал мне, что после окончания войны на Дальний Восток привезли несколько десятков тысяч бывших солдат РОА (сколько точно – он не знает). В порту Владивостока они занимались погрузочно-разгрузочными работами. (Конечно, не все). Большой штат следователей пытался отделить идейных врагов советской власти от людей, случайно попавших в это „болото“.

В день казни Власова, Трухина и др. идейные решили устроить „поминки“ по своему „отцу“ и командиру. Они одно судно взорвали, а другое подожгли. На палубе подлодки, находившейся в надводном состоянии, команда делила сахар и табак. Взрыв был такой силы, что несколько моряков оказались за бортом. Женщина-капитан свой горящий транспорт „Орел“ вывела в открытый океан. Если взорваться, то взорваться там, в океане. Одновременно команда тушила огонь на корабле. По словам моряка второго взрыва не последовала, „Орел“ вернулся в порт. После этого инцидента всех „власовцев“, правых и виноватых, грузили на баржи и увозили куда-то на север в лагерь уничтожения. Так бесславно закончилась эпопея Русской Освободительной Армии (РОА).

О жизни современной Германии не знаю ничего. Слышал только, что побежденные живут много лучше победителей.

Примечание сайта: В июне 2011 г. Евгений Платонов приезжал в Берлин на открытие нашей выставки и памятные мероприятия в связи с 70-тилетием скорбной даты нападения Германии на СССР.